

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.

Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М., 2008.

Couture A. From Viṣṇu's deeds to Viṣṇu's play, or Observations on the word avatāra as a designation for the manifestations of Viṣṇu // *Journal of Indian Philosophy*. 2001. Vol. 29. P. 313–326.

Sen Ch. A Dictionary of the Vedic Rituals. Based on the Śrauta and Gṛhya Sūtras. Delhi, 1982.

Vassilkov Y. The Mahābhārata's Typological Definition Reconsidered // *Indo-Iranian Journal*. 1995. July. Vol. 38. № 3. P. 249–256.

А. А. Новик

**ДЕМОНЫ СУДЬБЫ, ДУШИ УМЕРШИХ
МЛАДЕНЦЕВ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗМЕНИТЬ
БУДУЩЕЕ В ВЕРОВАНИЯХ
АЛБАНЦЕВ УКРАИНЫ
Полевые материалы 2008–2010 годов**

У албанцев Украины сохраняется вера в мифологических персонажей, которые имеют очень старые балканские прототипы, уходящие своими корнями в архаику.

Во время работы в экспедициях 1998–2010 годов мною проводился опрос информантов на предмет сохранения верований в мифологические персонажи. Записи интервью информантов по теме верований зависели от года работы в поле. Так, важные сведения были получены в течение трех месяцев экспедиционной работы в 1998 году в Приазовье и Буджаке. Однако самой продуктивной в сборе материалов по данной теме стала экспедиция

2009 года (Новик 2009а¹; 2009б²). Сложно однозначно ответить на вопрос, почему информанты стали раскрываться по данной теме лишь спустя десятилетие работы с ними. Тому, возможно, имеется несколько причин.

Во-первых, тема мифологии практически не затронута исследователями-предшественниками, внесшими значительный вклад в дело изучения полиэтничного региона Приазовья и Северного Причерноморья. Серьезная работа по изучению языка и культуры албанцев Украины стала проводиться лишь после Октябрьской революции 1917 года, то есть во время социалистического строительства в бывшем СССР. Следовательно, не могло быть и речи о том, чтобы проводить, а тем более печатать на страницах главных научных изданий страны результаты исследований о младшей и старшей демонологии, наречении именем и определении судьбы ребенка мифологическими существами и прочей «чертовщине» (в трактовке официальной науки). Так, в трудах Н. С. Державина, Ю. В. Ивановой, О. Р. Будины и других данная тема совсем не была отражена либо она затрагивалась вскользь (Державин 1926; 1933; 1948; Иванова 1999; 2000; Будина 2000).

Во-вторых, информанты, которых нельзя назвать обделенными вниманием исследователей на протяжении длительного периода времени, до последнего десятилетия не привыкли отвечать на вопросы по демонологии, что совсем не увязывается в их сознании с «серьезной» работой по объяснению приехавшим столичным ученым особенностей говора и культуры собственного народа. То, что всегда находилось под определенным общественным табу, вдруг стало иметь значение и ценность. И далеко не все информанты готовы раскрыться и рассказать предания и истории, связанные с данной тематикой.

¹ Новик А. А. Традиционная культура албанцев Приазовья. Приазовский район, Запорожская область, Украина. Ксерокопия полевого дневника. 2009а. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1934. 95 л.

² Новик А. А. Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле–августе 2009 года. Принтерный вывод. 2009б. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1935. 85 л.

В-третьих, тема мифологии является очень личной, почти интимной. Мало кто из информантов готов делиться самым сокровенным, отвечать на вопросы типа «А сталкивались ли Вы сами с русалкой?» и т. п. Нужны определенный настрой информанта и его доверие интервьюеру/эксплоратору. А такое доверие можно заслужить лишь годами полевой работы в одном и том же регионе и с одними и теми же информантами.

В-четвертых, для успешной работы по теме мифологии необходимы соответствующие программы-вопросники, которые могут существенно облегчить работу по столь непростой теме (Плотникова 1996; 2009). Составление таких программ должно проводиться индивидуально к каждому пункту. Во всяком случае нельзя механически переносить программы, рассчитанные на работу в Балканских странах, на исследования региона Буджака и Приазовья. Жизнь в полиэтничной среде наложила сильный отпечаток на верования и воззрения албанцев, и их кажущиеся порой парадоксальными ответы на вопросы по теме мифологии несут зашифрованный код важнейших культурных инноваций, возникших под влиянием воззрений и верований различных этносов и этнических групп.

В-пятых, современность предполагает открытый диалог на многие темы, которые прежде были под официальным или неофициальным запретом. Тема мифологии, открыто обсуждаемая в СМИ, на страницах книг и так далее, стала дискуссионной. Большинство информантов с детских лет сталкивается с самыми архаичными верованиями, лечится у бабок-знахарок, исполняет определенные обряды, призванные уберечь от дурного глаза или ворожбы. А теперь эти люди готовы обсуждать практически открыто то, что им известно с детских лет.

В рамках данного исследования я остановлюсь на нескольких важных персонажах и сюжетах традиционных верований албанцев Буджака и Приазовья, которые непосредственно связаны с судьбой человека, будущим и его определением, попытками изменить это будущее, а также с душами младенцев и рожениц, умерших при родах, то есть с нарушением либо закономерным исполнением предначертанного.

Три мужчины, определяющие судьбу ребенка (tri burre qysh japin fatnë)

У балканских народов существует вера в то, что судьбу каждого человека определяют мифологические персонажи. Количество этих персонажей может колебаться от одного до трех. Чаще всего демонов судьбы трое, реже бывает один или два (Седакова 2007, с. 202). У большинства народов Балкан, в том числе и у албанцев, чаще бытуют представления, что такими персонажами являются три женщины. Редко встречаются мужские персонажи (запад Болгарии, в районе Благоевграда и Кюстендила; юг Болгарии; Македония). Еще реже фиксируется один мужской персонаж. Как правило, такие персонажи являются на 3-й, 5-й или 7-й день после рождения ребенка и определяют его судьбу (Седакова 2007, с. 188). Иногда они являются через несколько часов после рождения ребенка и назначают ему судьбу. Единичны свидетельства, когда данные мифологические персонажи появляются до 9-го или 40-го дня (здесь налицо контаминация с опасным, нечистым периодом, когда эти персонажи воспринимаются как исключительно злые демоны) (Седакова 2007, с. 201). Подобные рассказы фиксируются в различных странах полуострова, у разных этносов и этнических групп. В них присутствуют региональные особенности, однако в целом данные верования представляют собой устойчивый пласт балканской картины мира (Цивьян 1982; 1990).

У албанцев Украины сохраняются подобные верования (Новик 2009б, с. 56). Однако в их системе мифологических представлений вместо трех женщин, определяющих судьбу ребенка, выступают трое мужчин. По рассказам информантов, это «три больших черных мужика, высоких, сильных таких» (АОЕ¹: Новик 2009: Бурлачко: мифология–3).

После рождения ребенка, буквально в первые часы, появляются эти трое мужчин. Обычно домашние не видят этих персонажей: «родным не дано их видеть». Зато оказавшийся случайно в данном месте и в данное время чужой человек вполне может их увидеть и услышать. Трое мужчин возникают над колыбелью

¹ АОЕ — архив отдела европеистики МАЭ РАН (аудиоархив).

младенца. Они высокие, статные, с черными волосами и очень смуглые. Обычно информанты рассказывают о них как о *трех черных мужиках*. Подробности того, как они выглядят или во что одеты, не сохраняются, как это бывает с большинством мифологических персонажей. Цель их визита — определить судьбу ребенка (*jarin fat* — дословно «дают судьбу»).

Определение судьбы происходит в виде свободной дискуссии — каждый из мифологических персонажей предлагает свой вариант. Иногда предначертание судьбы может затянуться. Однако рано или поздно они приходят к решению, которое устраивает всех троих.

Рассказ о трех охотниках¹

Было это очень давно, еще, быть может, в прошлом веке (имеется в виду конец XIX столетия или самое начало XX-го). Жили в здешних местах три друга. И были они закадычными охотниками. А охотники, они всегда на охоту по осени и в разгар зимы ездили. Так и теперь делают в наших местах.

Собрались эти три охотника и поехали в степь, недалеко от нашего села. А на дворе зима была — все белое, в снегу. Они тогда удачно поохотились. Настреляли зайцев. Охота здесь всегда главным образом на зайца велась да на утку перелетную. Большой трофеей они собрали. Да вот с погодой им не повезло. Замело, запуржило — возвращаться к себе домой несподручно было. Да и ночь наступила. Тогда все охотники на привал останавливались. Обычно в какой-нибудь дом стучались. И эти три охотника также решили подходящее жилище найти. А вокруг ничего подходящего не было — одна снежная степь, куда взгляд ни кинь. И нашли они только землянку² одну — бедное такое жилище обособленно стояло.

Стали они стучать в этот дом — им не сразу открыли. Стали они проситься в дом переночевать — их не пускают. Хозяин

¹ Текст записан у Анны Кирилловны Бурлачко, албанки из с. Георгиевка, 1940 г. р.

² *Землянка* — традиционное жилище балканских колонистов в Приазовье в XIX — начале XX века. Характерной особенностью такого жилого дома являлись земляной пол и низкая крыша.

Демоны судьбы, души умерших младенцев и возможность изменить...

говорит, что жена на сносях. Да и боялись люди в дом чужих пускать. Но у этих охотников выбора особенно не было. Они в ту землянку внаглую прошли. И таким образом остановились на постой. Развели огонь в очаге, вскипятили воду. Достали зайца или двух из своей добычи, облупили их, да давай готовить. Сварили из тех зайцев каурму¹. Приготовили себе ужин на славу, наелись, отогрелись в доме после дня на снежном просторе. На ужин и хозяев дома позвали. Все вместе поели. И очень довольные удачной охотой и хорошим днем, легли спать.

Хозяева той землянки тут же по соседству — за печкой — легли, через перегородку.

В доме темно было. Еще раньше жильё освещали с помощью светила — наливали в бутылочку растительного масла, потом делали фитиль и зажигали — получалось как лампадка. Так и жили. Потом лампы уже появились. А тут они и те светила погасили. Только одно гореть осталось.

Вдруг среди ночи один из охотников проснулся — у жены хозяйина роды начались. Но роды те быстро прошли — мальчик на свет появился. Все благополучно. Только в том доме тишина наступила, как услышал тот охотник опять некий шум. Он встал и тихонечко к перегородке подкрался. Глядь: а там три черных мужика стоят. Высокие такие, с черными волосами. Стоят те мужики, над младенцем склонившись, и ведут между собой беседу.

Охотник этот замер и стал внимательно слушать, что те черные мужики между собой говорят.

— Давайте сделаем его богатым-богатым. Таким богатым, чтоб на зависть другим, — говорит один из них.

— Да зачем богатым его делать? У него родители вон какие бедные! И ему нечего богатым жить! Пусть будет бедным всю жизнь, как его родители. Пусть помучается, — возражает другой.

И здесь третий вступает в разговор:

— А зачем так делать, чтобы он всю жизнь бедным был и мучался, как его родители? Давайте что другое ему определим.

¹ *Каурма (kaurma) — традиционное блюдо из мяса с водой и пряностями.*

*Вот давайте так сделаем, что он утонет в день своей свадьбы!
Утопится да и не будет всю жизнь мучиться!*

— А давайте! — те другие с ним согласились.

И эти три мужика исчезли.

Очень испугался тот охотник всего увиденного и услышанного. Потихоньку лег спать, а слова тех мужиков у него из головы не идут!

Наутро все встали, засобирались охотники домой. И тут перед выходом тот охотник, что был свидетелем, как судьбу парню предсказывали, и говорит хозяевам землянки: «Когда будете сына крестить, меня нуном¹ позовете!» Те попытались было возразить, мол, есть у нас уже на примете кум, да не смогли перечить. Очень настойчив тот охотник был. Первым в доме оказался, да и настаивает так, да и небедный человек, как видно. Оставил охотник свой адрес им, всякие данные, чтобы позвали, как время крестить мальчишку придет. На том и разошлись.

Прошло время. Те люди вызвали охотника на крещение. Он приехал из дома — то ли в городе он жил, то ли в далеком селе, припомнить сейчас сложно. Покрестили парня. И стали они друг другу нунами. А это ближе, чем самый близкий родственник. И тот охотник и говорит: «И на свадьбу меня позовете!»

Затем прошло много-много лет.

И пришла тому парню пора жениться. Позвали родители жениха на свадьбу нуна. А нунэ² и нун — первые гости на свадьбе. Первое лицо — нунэ, а второе — нун. Из всех мужчин нун самый главный.

Приехал тот охотник в качестве нуна, подарки привез — все как надо сделал. А сам неотступно за молодым, своим крестником, следит.

Приехал он на свадьбу в четверг. В этот день быка зарезали — как на свадьбу водится. И здесь нун взял да и забрал шкуру с того быка. Родные жениха даже не поняли вначале. А нун принес ту шкуру к колодезю, накрыл его этой шкурой, натянув ее плотно-плотно, а потом вокруг канатом обвязал. Тут его все

¹ Нун (nun – i) — крестный отец, кум.

² Нунэ (nune) — крестная мать, кума.

Демоны судьбы, души умерших младенцев и возможность изменить...

спрашивать стали: «Нуно, ты чего это задумал?» А он и отвечает: «Да ведь свадьба у нас. Детишек много по двору бегают. А мы гуляем. Смотри, в суете не досмотрим, так еще свалится кто-нибудь, да и утонет. Завяжу я колодец от греха подальше!» «Да и верно! Правильно придумал», — решили все.

В пятницу идут приготовления к свадьбе, все готовят, радуются.

В субботу уже идут от жениха в дом невесты, платье ей несут, фату, подарки разные. А у самого жениха в субботу в доме тоже важное мероприятие. К жениху его друзья приходят — только хлопцы. Из девочек могут быть только его родные сестры. И здесь жениха бреют, веселятся. В общем, идут приготовления к свадьбе.

А охотник тот все у себя в мыслях — как за женихом уследить.

Суббота прошла. Все сделали по правилам. Из дома невесты посланцы вернулись.

Наступило воскресенье — главный день свадьбы. Утром отправились из дома жениха за девушкой, за невестой. Из родительского дома невесту забрали и идут уже в дом жениха. А здесь приготовления уже все сделаны — ждут дорогих гостей. Пришли все уже в дом — нуна зовут на почетное место. А он и говорит: «Не могу я там сидеть, неважно себя чувствую. Сяду я лучше с краю стола, ближе к выходу, там воздуха больше».

Все сели за стол. Невеста стоит в углу. Рядом жених сидит. За почетным местом сидит нунэ — крестная жениха. Она самый главный гость здесь. А охотник сел рядом с выходом. Его родные попытались еще на самое почетное место посадить — иди, мол! Но он отказался — решил до конца за крестником проследить.

Свадьба идет в самом разгаре. Все веселятся, едят, пьют. И жених со всеми. И только нун себе на уме.

Тут неожиданно на улице дождь пошел — краткий такой, полил и закончился. Никто и внимания не обратил.

И через какое-то время жених встал и выйти захотел во двор. Крестный вслед ему посмотрел, но выходить не стал сразу — мало ли по нужде! А потом решил все-таки выйти — следить, так следить до конца.

Двух минут не прошло, как он крестника без внимания оставил. Выскакивает во двор — а крестник у колодца, согнувшись стоит. Крестный к нему подбегает — а он мертвый! Лицом на бычьей коже натянутой лежит. А от дождя на той коже вода собралась — совсем тоненький слой, еле-еле видно. А захлебнуться было достаточно. Так тому парню предписано было — утопиться на собственной свадьбе! Лежит он в воде лицом, и глаза открыты!

Что предписано тебе судьбой, того не минешь! Как начертали тебе те мужики будущее, так и будет! И не обманешь их, и не сбежишь никуда! Все исполнится, что они загадали (Новик 2009б, л. 56–61).

В приведенном выше нарративе четко сохраняются балканские мотивы. Во-первых, мифологических персонажей, определяющих судьбу ребенка, трое — наиболее часто встречающееся число таких персонажей у большинства балканских народов (Плотникова 2004; Седакова 2007; Tirta 2003).

Во-вторых, в среде албанцев Приазовья устойчиво сохраняется вера в трех мужских персонажей, характерных лишь для некоторых зон Балкан. Данный факт может свидетельствовать о маршруте переселения албанцев Буджака и Приазовья из западных областей полуострова на восток Болгарии — через Македонию, Западную Болгарию и т. д. В свете того, что до сих пор не известны причины и время переселения этой группы албанского населения (вернее, мы можем строить наши предположения лишь гипотетически), данные сюжеты мифологии могут пролить определенный свет на этническую историю и маршрут переселения.

В-третьих, сохраняется хронотоп пророчества. *Три черных мужика* появляются в первую ночь после рождения ребенка. Хотя чаще, как уже отмечалось, на Балканах народные представления связывают приход демонов судьбы с 3-м, 5-м или 7-м днем, появление мифологических персонажей в первую ночь укладывается в систему балканских представлений. Мифологические персонажи, определяющие судьбу, приходят ночью.

В-четвертых, демоны судьбы появляются рядом с ребенком всегда неожиданно и остаются незамеченными близкими и родными младенца.

В-пятых, разобрать (подслушать) предсказания определяющих судьбу человека персонажей дано случайно оказавшемуся свидетелю.

В-шестых, в зафиксированном варианте сохраняется мотив спора между предсказателями — среди них есть добрый, злой и «срединный» персонажи, которые воплощают собой разные начала мира. И окончательное решение зависит от случайности — в этом заключается скрытая философская основа фольклорного текста (и наивная попытка объяснить мироустройство и его законы).

В-седьмых, записанный нарратив демонстрирует попытку изменить предсказанную судьбу. Однако будущее определено выше — и изменить его не дано никому.

Балканский материал фиксирует значительное разнообразие названий мифологических персонажей, определяющих судьбу: *греч.* μοίρα, *рум.* ursitoare, *болг.* орисници, наречници, *серб.* суђенице, *алб.* orë (Tirta 2004). В говоре албанцев Приазовья не сохранилось названия для обозначения данных персонажей. Название “tri burre qysh jarin fatnë” является не только описательным, но и откровенно искусственным — информанты не могут вспомнить старое слово и потому дают его описательное название. Сейчас сложно сказать, когда произошла утрата специальной лексемы, но ее бытование в прошлом можно предполагать с большой долей уверенности (учитывая практически повсеместное распространение верований в демонов судьбы почти на всем Балканском полуострове).

В неизбежность судьбы верят практически все опрошенные в ходе экспедиций информанты. В подтверждение своих слов они приводят множество примеров из собственной жизни или жизни ближайших родственников. Однако в таких рассказах часто смешанными оказываются мифологические и христианские мотивы.

В наши дни вера в *трех черных мужиков*, определяющих судьбу ребенка, тесным образом переплетается с мотивами христианской веры. Часто информанты говорят о том, что Бог определяет судьбу ребенка. Народное христианство дает свои трактовки определения судьбы человека. В ходе экспедиций 2008–2010 годов был собран материал, свидетельствующий

о том, что в албанской среде бытуют представления о том, что сам Господь Бог выступает в роли одного из трех мифологических *черных мужиков*. И только Бог, который на албанском говоре носит название Парандья (Parandî — ja), может определить судьбу ребенка. Эти верования тесным образом переплетаются с мифологическими балканскими сюжетами, и часто нельзя вычлнить начальный компонент сюжета.

Отдельный вектор данного сюжета представляют рассказы о том, что судьбу ребенка определяют ученики Иисуса Христа, апостолы или последователи. Многие информанты пытаются интерпретировать рассказы предков на мифологические сюжеты исходя из христианской традиции. Данные интерпретации, имеющие отношение к области народного христианства, бывают подчас логично выстроенными и дают отсылки к уже позапрошлому XIX столетию.

Дух умершего некрещеного ребенка

У албанцев Балкан существуют поверья, связанные с духом ребенка, умершего некрещеным (это касается, конечно же, христианского населения — православного и католического). Рассказы, связанные с тем, что дух некрещеного ребенка летает неприкаянным над землей, фиксируются в разных формах на севере и юге Албании (Новик 2009б, л. 62–63).

У албанцев Буджака и Приазовья также существуют представления о духе ребенка, умершего некрещеным. Рассказы информантов, зафиксированные во время экспедиций, свидетельствуют о том, что данные представления имеют очень архаичное происхождение и отличаются в плане интерпретации самого явления.

По рассказам информантов в Приазовье, когда умирает маленький ребенок, которого не успели окрестить, летает над землей не его дух, как это фиксируется у албанцев Балкан, а он сам. Он летает, потому что не может найти успокоения на том свете, и днем и ночью.

Для сравнения: у восточных славян, в частности у украинцев и белорусов, по народным представлениям, умерший некрещеным ребенок осужден на вечные муки в темноте и сырости (Кото-

вич, Крук 2010, с. 392). По поверьям, мать, чтобы облегчить страдания своего ребенка, может раздать на Троицу детям сорок крестиков, нарекая мысленно своего ребенка именем согласно церковному именованию. В полиэтничном регионе Приазовья, где традиции и верования заимствовались и порождали новые явления и практики, данные воззрения не были заимствованы албанцами. Они сохраняли свои представления о страданиях некрещеного ребенка и возможностях ему помочь.

На говоре албанцев Украины некрещеного ребенка называют следующим образом: *aju nok ishte i pagzuar* (он некрещеный). Но тут же добавляют: *aju nok ishte i Parandisë, aju ishte i d'allit* (дословно: он — не Бога, он — дьявола). А дальше следует объяснение: *Aju atî vend nok ka. Aju atî natë, ditë fërtëlon* (У него там нет места. Он там ночь, день летает) (АОЕ: Новик 2009: Бурлачко–мифология 3).

Информанты утверждают, что так говорили еще деда-прадеды, так есть сейчас и об этом пишется в Библии (а ссылка на Библию всегда является очень сильным аргументом в интервью носителей традиционной культуры) (Новик 2009б, л. 63).

Рассказ А. К. Бурлачко

Когда я крестила своего старшего сына Володю, то на него молитвы не брала. А когда крестишь, молитву брать надо. У меня кума была, она мне и говорит: «Нунэ, давай не будем брать! Можно и без нее». Так мы и окрестили. А после того снится мне сон. Является ко мне Парандья (Бог) и говорит: «Ты не брала на своего сына молитву! Посмотри сюда!» Бог мне это сказал и дал в руки список — тетрадь большая такая, как обшая. Я ту тетрадь взяла в руки — он мне ее открытую дал — и вижу своего сына последним в списке: Бурлачко Владимир Ильич. Вот и не верь после этого!

Я проснулась, собралась после этого и поехала в Мелитополь и получила в церкви молитву на сына.

Как выглядел Парандья, я не могу сказать — я его не видела во сне, а только слышала. Но поняла сразу, что это Бог. А обратился он ко мне по-русски [Интервью с А. К. Бурлачко записано по-албански, перевод А. Новика] (Новик 2009б, л. 63).

В балканской традиции бытуют поверья о том, что летающий дух некрещеных детей приносит вред людям, его следует остерегаться. В рассказах албанцев Буджака и Приазовья подобные рассказы не фиксируются. Информанты не исключают того, что дух умершего некрещеного ребенка может навредить человеку или семье, однако привести какие-то конкретные воспоминания и сведения не могут.

Однако вместе с рассказами об умерших некрещеных детях тесно связаны предания о неродившихся младенцах, погибших вследствие аборта. Считается, что аборт — большой грех. Женщина, делавшая аборт, — грешница. Но еще больший грех — если не окрестить умерщвленного ребенка. Младенец, погибший вследствие искусственных манипуляций, призванных избавиться от нежелательного плода, будет так же страдать, как и умерший родившийся ребенок, которого не успели окрестить. Это совершенно четко проговаривается всеми информантами, опрошенными на данную тему.

Церковь позволяет крестить младенцев, ставших жертвой избавления от нежелательной беременности. Женщина, сделавшая аборт, должна пойти в храм и там окрестить ребенка. Тогда он найдет упокоение на том свете. Если женщина делала на протяжении жизни много аборт, она должна их всех помнить и может окрестить погибших младенцев за один раз. Но сделать это нужно непременно. Большим грехом считается не исполнить этот обряд.

Обряд крещения умерших младенцев в наши дни проходит следующим образом. К телу младенца в дом или на кладбище на похоронный обряд приглашают православного священника. Он исполняет обряд крещения, возможный при таких случаях. На кладбище священник должен «запечатать могилу», то есть начертить кресты на краях могилы. Штыковой лопатой сам священник насекает четыре креста по разным сторонам могилы. Исполнение этого обряда считается необходимым условием, чтобы душа младенца нашла упокоение. Иначе, говорят информанты, «младенец будет нас слышать», то есть он будет частью нашего мира, а не мира мертвых.

С 1920–1930-х годов, когда в стране началась борьба с церковью, а храмы в селах были закрыты, албанцы могли окрестить

ребенка и запечатать его могилу только в городе, где сохранялась церковная жизнь. Чтобы окрестить умершего ребенка, существовала следующая практика. Ребенка хоронили, однако не на самом кладбище, а за рвом, отделявшем кладбище от территории села (n'i γandektë — дословно «в канаве») (Новик 2009б, л. 64–65). Хоронить на кладбище некрещеных детей на протяжении XIX — первых десятилетий XX века запрещали священники, а после того как местные священники были репрессированы, не позволяла сельская общественность.

В этом случае некрещеных детей хоронили за рвом. Хоронили детей в гробу, а одевали их в распашонку, шапочку и тому подобное, могли завернуть просто в пеленку. А потом совершали обряд крещения. Для этого надо было взять что-нибудь из детской одежды — распашонку, шапочку, рубаху либо что-нибудь другое. Если ребенку не успевали что-нибудь сшить или купить до смерти (или сшитое уже надели на умершего младенца, положенного в гроб), эту деталь могли купить или быстро изготовить в домашних условиях. С этой детской одеждой мать или ближайшая родственница отправлялась в храм в ближайший город. Там священник совершал обряд крещения умершего младенца, используя его символическую обрядовую одежду. После церковного обряда мать возвращалась в село, отправлялась к сельскому кладбищу, делала небольшую ямку на могиле своего ребенка и прикапывала привезенную из храма одежду. Таким образом таинство крещения передавалось умершему младенцу (Новик 2009б, л. 65).

Хоронить некрещеных детей могли и на кладбище, но обязательно надо было окрестить ребенка. Хронологическим рубежом, когда некрещеных детей стали хоронить на общем кладбище, а затем крестить, стала Вторая мировая война. Приблизительно в это время, по сведениям информантов, обязательное требование хоронить на общем кладбище только крещеных стало ослабевать. А в Приазовье подобные границы были стерты во время голодомора, в 1930-е годы.

Другим важным обрядом было «запечатывание» могилы. «Запечатать» могилу на говоре албанцев Украины называется *paçladîs*. Для этого мать, бабушка или кто-то из родственников брали горсть земли с могильного холмика, заворачивали в тряпи-

цу и везли в город, в храм. Там священник после службы выходил к верующим и читал молитву над принесенной с кладбища землей. В этом обряде никогда священники не отказывали (равно как и в крещении умерших детей). Обычно данная процедура проходила во дворе церкви, и желающих освятить землю для «запечатывания могилы» было много. После молитвы, прочитанной священником, могильная земля считалась освященной и приобретшей большую силу.

С силой этой земли связано много поверий. Считалось, что колдуны и ведьмы охотятся за этой землей, так как с ее помощью можно навести самую большую порчу. Часто рассказывают о том, что в храмах нередко были случаи, когда эту землю воровали. Стоило немного отвернуться, как злые люди крали такую могильную землю с целью колдовства (отнюдь не все, как отмечают информанты, приходили в храм с добрыми намерениями) (Новик 2009б, л. 66). Поэтому надо было внимательно следить за тем, чтобы земля с могилы близкого человека не попала в руки «нечистой силы».

По возвращении из храма мать или родственники отправлялись на могилу ребенка и высыпали освященную землю на надгробный холмик. С этого момента могила считалась «запечатанной», душа младенца обретала покой, и он сам становился частью того мира. По рассказам информантов, он больше не слышал, что происходит на Земле.

Подобная практика крещения умерших детей и «запечатывания» их могил устойчиво бытовала в албанских поселениях Украины до 1970-х годов. Затем традиция стала размываться, хотя в большинстве случаев люди продолжали крестить умерших детей и «запечатывать» могилы подобным образом. Еще раньше, с конца 1940-х годов, перестало строго соблюдаться правило, запрещавшее хоронить некрещеных детей на кладбище вместе со всеми. Младенцев стали подхоранивать к могилам родных, а уже затем крестить в церкви, используя все ту же детскую одежду. Нередкими стали случаи, когда умерших детей хоронили на сельском кладбище и вовсе не совершали обряда крещения.

С 1990-х годов в албанских селах Украины были восстановлены храмы и возобновлена церковная служба. Крестить умерших

Демоны судьбы, души умерших младенцев и возможность изменить...

детей и «запечатывать» могилы стали священники. В народном сознании необходимость такой практики связана с желанием обеспечить покой души почившего младенца.

Рассказ А. К. Бурлачко

У моей матери вначале родилась двойня. Но дети были мертвые. Потом у матери родилась еще одна двойня. И дети опять были мертвые. А позднее она родила тройню. И эти дети были мертвые. Раньше чего было: подняла тяжесть, вот и дети погибли. И всех этих умерших детей хоронили на кладбище, там же, где и всех хоронят. А моя бабушка ходила в церковь, и носила туда то распашонку, то пеленку, и всех детей крестила. А еще запечатывала. И каждый раз так поступала (Новик 2009б, л. 67).

Дух умершей беременной женщины

Среди албанцев Украины бытует много поверий, связанных с духом женщин, умерших беременными. Здесь можно выделить следующие стадии, на которых может прекратиться жизнь будущей матери и ребенка.

Один из случаев — смерть беременной женщины и ребенка на ранних сроках беременности. Здесь зачастую не фиксируются особые предания и поверья, так как часто о подобной беременности близкие даже не догадывались либо подобные вещи не афишировались.

Когда умирала женщина на среднем или большом сроке беременности, в связи с этим горестным событием начинали складываться рассказы, изобилующие преданиями с сюжетными линиями, бытующими в наши дни на Балканах.

Рассказ А. К. Бурлачко

Жила у нас одна женщина, была она с Западной Украины. А западники много знают. Жила она через дом от нас. И вот рассказывает она, что было на ее памяти следующее. Умерла молодая женщина. Умерла — учадилась (то есть угорела от углекислого газа). Было что-то неисправно с печкой. Родные быстро организовали похороны и ее закрыли (похоронили).

А у той жєницины осталось трое малых деток. Тогда так бывало — много детей в семье. И у нее остался муж — муж этот очень плакал, сильно горевал. Кому он теперь нужен с тремя детьми? Хотя он и так не пропал бы — его бы взяли и так.

Муж этот очень сильно плакал. И снится ему после похорон в первую ночь жена. Вспомнить их имен уже не могу. Но жена ему говорит: «Иди и открой меня! Забери меня и ребенка!» Зовет так очень сильно, как в жизни. Он проснулся в ужасе — не знает, что делать. А родные ему говорят: успокойся, мол, ты так убивался, что она тебя и зовет.

Наступает другая ночь. Она опять ему снится. И опять зовет его, чтобы он пришел и раскрыл ее. Он опять проснулся и не знал, как быть. Родственники его успокаивают, говорят, что все пройдет.

Приходит третья ночь. Муж опять видит жену. И она его вновь натяжно зовет к себе на помощь. Он здесь не выдержал, встал и отправился ее открывать. Раскопал могилу, открыл гроб. Глядь: а там такое! Когда ее хоронили, то накрыли красивой шалью. А здесь он смотрит — а она уже ту шаль откинула! И ребенок в той шали! Как ее похоронили, она ребенка родила в гробу и завернула его в ту шаль. И пыталась его дозваться, но так и не дозвалась. И вместе они там задохнулись в гробу, мать с ребеночком (Новик 2009б, л. 67–68).

Все, что связано в народных поверьях со смертью рожениц, облечено в таинство и сложную паутину символов. Информанты часто рассказывают о том, что душа умершей роженицы может оставаться над землей и страдать. Зачастую такие рассказы противоречивы. Иногда душа умершей роженицы представляется как опасная и несущая бедствия другим людям. Иногда в такой душе видят лишь страдающее начало и не связывают с ней какие-либо опасности и угрозы. На западе Балканского полуострова полевая работа дает похожие результаты.

Часты были случаи, когда роженица умирала при родах, а ребенок оставался жить. В этом случае, как правило, в последние десятилетия XX века народные верования в Буджаке и Приазовье уже не связывали с произошедшим какие-то поверья о душе роженицы. На Балканах фиксируются рассказы о том, как душа

умершей роженицы присутствует рядом с младенцем, чтобы облегчить его судьбу либо принести вред людям (данные поверья существуют параллельно).

Здесь стоит напомнить и известный балканский сюжет о строительной жертве, когда мать совсем маленького ребенка замуровывали в фундамент крепости, моста или храма с целью завершить строительство (Tirta 2004: 347–357). Многие варианты таких легенд рассказывают о том, что мать замуровывали в стену, оставляя свободное место в каменной кладке, чтобы она могла кормить грудью маленького ребенка. И таким образом ей удавалось вскормить собственным молоком младенца, даруя ему жизнь и силу. В данных сюжетах на первый план выступает уже не душа умершей молодой кормящей матери, а она сама — народное сознание дарит ей жизнь, чтобы хотя бы таким образом противостоять несправедливости людей и разрушительным силам мира. Душа молодой женщины находит успокоение после того, как ее ребенок встает на ноги. Она не мстит людям, обрекшим ее на смерть, а ее ребенка — на сиротство.

Другой пласт рассказов и поверий, связанных со смертью роженицы или молодой кормящей матери, соотносится с представлениями о том, что душа такой женщины может представлять опасность для окружающих, так как она мстит людям, оставшимся на Земле, за свою скорбную участь. Такая душа может приносить вред не только людям, но и домашнему скоту, всему живому. Такую душу следует остерегаться, в качестве оберега от нее разработаны различные практики.

У албанцев Украины данный балканский сюжет не фиксируется. Однако в мифологическом сознании рассказы о душе умершей роженицы или молодой кормящей матери приобретают окраску страдальческой смерти и чаще всего не связаны с поверьями о злой природе такой души. Вместе с тем информанты, как правило, не уверены в том, безопасна душа умершей роженицы для окружающих или нет.

Бывают случаи, когда при родах умирают и мать, и ребенок. У албанцев Украины не фиксируются особые поверья о душе роженицы, умершей при таких обстоятельствах (Новик 2009б, л. 70). Душа ребенка, как было отмечено выше в соответстви-

ющей части исследования, не находила успокоения на том свете, пока ребенка заочно не окрестят в храме. А вот о душе умершей при родах роженицы особых поверий не сохранилось. Ее хоронили рядом с младенцем на кладбище, как и всех. Ребенка хоронили в отдельном гробу. Его перед этим необходимо было окрестить. Информанты вспоминают случай, когда лет десять назад в с. Георгиевке умерла при родах молодая женщина. Ребенок (девочка) также умер. Мать и дитя похоронили рядом в отдельных гробах. Никаких рассказов о том, что душа матери являлась потом к близким родственникам или односельчанам, зафиксировано не было (Новик 2009б, л. 70).

Изложенный материал свидетельствует о том, что представления о мифологических персонажах, определяющих судьбу ребенка, устойчиво эксплицированы в культуре и языке албанцев Буджака и Приазовья. Они устойчиво коррелируют с верованиями, сохраняющимися на Балканском полуострове, и демонстрируют определенную последовательность и сохранность мотивов, называемых балканизмами. Наряду с этим в традиционной культуре бытуют представления о душах умерших младенцев, а также рожениц, умерших при родах, которые неразрывно связаны в народном сознании с концептом определенности, предначертания судьбы. Рассмотренный материал свидетельствует о преемственности балканских черт в верованиях албанцев Балканского полуострова и албанцев Буджака и Приазовья. Полевые исследования в контактных зонах должны быть продолжены с учетом специфики языковой и культурной ситуации, сложившейся к началу XXI столетия.

Библиография

Будина О. Р. Научный отчет об экспедиционной работе Приазовского отряда в 1973 г. // *Итоги полевых исследований* / отв. ред. З. П. Соколова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 239–255.

Державин Н. С. Албановедение и албанцы // *Язык и литература*. Л., 1926. Т. 1. Вып. 2–3. С. 171–192.

Державин Н. С. Из исследований в области албанской иммиграции на территории бывшей России и УССР // *Сборник в чест на проф. Л. Милетич за седемдесет годиштината от рождението му (1863–1933)*. София, 1933. С. 504–512.

Державин Н. С. Албанцы-арнауты на Приазовье Украинской ССР // Советская этнография. 1948. № 2. С. 156–169.

Иванова Ю. В. Система немассовых опросных листов для оценки устойчивости этнокультурной среды населения // Методы этноэкологической экспертизы / науч. ред. В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 217–218.

Иванова Ю. В. Албанские села в Приазовье. Этнографические наблюдения за пятьдесят лет // Итоги полевых исследований / отв. ред. З. П. Соколова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. С. 40–53.

Котович О. В., Крук И. И. Золотые правила народной культуры. 4-е изд. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2010.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.

Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала (*Plotnikova A. A. Materijali za etnolingvističko proučavanje balkansko-slovenskog areala / prevod M. Plić*). М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.

Цивьян Т. В. Пространство и время в балканских охранительных обрядах, связанных с рождением ребенка // Македонски фолклор. Скопје, 1982. Т. 29–30.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Tirta M. Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë, 2003.

Tirta M. Mitologjia ndër shqiptarë. Tiranë, 2004.